

УДК 341.01

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS71510>

Конституционное противодействие угрозам, рождающимся в процессе внедрения цифровых технологий в сферу образования России

© И.А. Тарасевич

Аннотация. В статье отмечается, что деструктивные усилия антироссийских сил, в первую очередь, направлены на сферу образования. Одним из важных инструментов такой агрессии выступают некоторые аспекты внедрения цифровых технологий.

Автор делает попытку вскрыть цели, к которым стремятся отдельные реформаторы российского образования. Отмечается, что аналогичные цели преследовали антинародные силы и в условиях молодого СССР, что явствует из документов ЦК ВКП(б) тех лет, на основании которых возможно не только понять сущность протекающих в современной России деструктивных процессов, но и наметить пути выхода из сложившейся ситуации.

В предлагаемой статье выделяется несколько угроз, рождающихся в процессе бездумного внедрения цифровых технологий в современное российское образование. Центральной идеей статьи является то, что российская Конституция содержит в себе нормы, противодействующие обозначенным угрозам. Такие нормы получили соответствующую актуализацию и были многократно усилены в результате конституционной реформы 2020 г.

Ключевые слова: дополнения к Конституции Российской Федерации; конституционное регулирование; внедрение цифровых технологий; образование; угрозы обществу в сфере образования; кастовое общество; дистанционное образование; индивидуальная образовательная траектория; электронный учебник; советское образование.

Как цитировать:

Тарасевич И.А. Конституционное противодействие угрозам, рождающимся в процессе внедрения цифровых технологий в сферу образования России // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 2. С. 15–22. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS71510>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS71510>

Constitutional Counteraction to Threats that Arise in the Process of Introducing Digital Technologies into the Sphere of Education in Russia

© I.A. Tarasevich

ABSTRACT: The article notes that the destructive efforts of the anti-Russian forces are primarily aimed at the education sector. One of the important reasons for such aggression is some aspects of the introduction of digital technologies.

The author reveals the goals, which some reformers of Russian education are moving towards. The anti-popular forces in the young USSR were striving for similar goals, which were clearly seen from the documents of those years. On the basis of those documents, it is possible to understand the essence of the destructive processes taking place in modern Russia, and to outline the ways to combat the current situation.

This article highlights several threats that arise in the process of the uncontrolled introduction of digital technologies into modern Russian education. The central idea of the article is that the Russian Constitution contains provisions to counteract these threats. Such norms were updated and strengthened many times as a result of the 2020 constitutional reform

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation; constitutional regulation; introduction of digital technologies; education; threats to society in the field of education; caste society; distance education; individual educational trajectory; electronic textbook; Soviet education.

To cite this article:

Tarasevich IA. Constitutional counteraction to threats that arise in the process of introducing digital technologies into the sphere of education in Russia. *Russian journal of legal studies*. 2021;8(2):15–22. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS71510>

В последнее время общество приходит к все более четкому пониманию целей, инструментов и методов деятельности внутренних и внешних сил, противостоящих России. Указанные силы особенно рельефно проявили себя после возвращения Крыма в состав России, в результате чего многие разрушительные процессы, которые ранее протекали в стране достаточно латентно, стали форсироваться и вышли на поверхность общественно-политической жизни. В частности, актуализировались многие угрозы российскому обществу в сфере образования. При этом процессы, которые при правильном применении могут оказать на систему образования положительное воздействие, стали активно использоваться субъектами антироссийской политики в качестве вредных факторов. В данном случае речь идет о внедрении в сферу образования цифровых технологий.

Тенденция к многократному усилению угроз безопасности общества посредством их комбинации наметилась достаточно давно. В этом во многом и заключается сущность гибридных войн. Именно поэтому на первый план сегодня выходят научные методы междисциплинарных исследований, которые позволяют описать феномены окружающей действительности, возникающие на стыке нескольких отраслей знаний и при этом не характерные ни для одной из них в отдельности.

В данной статье метод междисциплинарного исследования является основным, что позволит рассмотреть некоторые из угроз безопасности российского общества, рождающиеся в точке взаимодействия образования, цифровых технологий и права.

Нужно отметить, что переломные для общества исторические периоды, особенно в масштабах одного государства, как правило, имеют множество общих черт. Поэтому анализ документов прошедших критических для России эпох может послужить базой для анализа протекающих в социуме процессов как на данный момент, так и на средне- и долгосрочную перспективу. Такой подход можно рассматривать в качестве специфического метода исследования в рамках наук гуманитарного цикла.

По нашему мнению, сегодня Российская Федерация находится на очередном переломе, как это уже было не многим более ста лет назад. При этом враждебные силы часто применяют по отношению к России те же методы и технологии, что и тогда. И в первую очередь удар наносится по системе образования.

Так после Октябрьской социалистической революции 1917 г. образовательная среда была практически целиком захвачена «педологией», после чего советское образование стало стремительно деградировать.

После того, как вред внедрения педологии в СССР стал очевиден, данный проект был ликвидирован посредством издания Постановления ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. «О педологических извращениях в системе

Наркомпросов»¹. Анализ данного документа представляет большой интерес, так как становятся очевидны параллели с сегодняшней ситуацией, сложившейся в российском обществе.

ЦК ВКП(б) тогда отметил, что педологам были делегированы полномочия по определению будущей профессии выпускников школ, а также по отфильтровыванию из школьной среды неуспевающих учеников. В данный момент тренд на определение профессиональной ориентации школьника еще в младших классах является одним из популярных и соответствует общей парадигме либеральной модернизации российской системы образования [1] – это первая из отмеченных нами параллелей.

В анализируемом документе отмечается пагубность создания «в школе, наряду с педагогическим составом, организации педологов, независимой от педагогов, имеющей свои руководящие центры в виде различных педологических кабинетов, областных лабораторий и научно-исследовательских институтов, раздробление учебной и воспитательной работы между педагогами и педологами при условии, что над педагогами был учинен контроль со стороны звена педологов...». Здесь прямую аналогию с сегодняшней российской действительностью провести сложнее. Но нужно отметить, что частично в школе, а особенно в вузах России на данное время уже надежно укоренился целый институт так называемых эффективных менеджеров, которые, как и педологи в прошлом, автономны по отношению к педагогам и собственным ученым и чья деятельность направлена на коммерциализацию образования, агрессивное внедрение дистанционного образования и широчайшее (иногда неоправданное) введение в образовательный процесс цифровых технологий. В целом, цели и методы деятельности современных менеджеров и педологов во многом схожи, к чему мы еще вернемся ниже.

Далее авторы рассматриваемого Постановления описывают деструктивную деятельность педологов, которая уже более выражено коррелирует с тем, что внедряют современные реформаторы российского образования: «Практика педологов, протекавшая в полном отрыве от педагога и школьных занятий, свелась в основном к ложно-научным экспериментам и проведению среди школьников и их родителей бесчисленного количества обследований в виде бессмысленных и вредных анкет, тестов и т.п. Исследуя Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., можно отметить, что тогда педологи не скрывали своих конечных целей, которые пока еще не берутся ясно и во всеуслышание озвучивать современные нам реформаторы.

По нашему мнению, именно о таких целях (пока еще для общества во многом латентных) далее писали представители ЦК ВКП(б) в своем Постановлении: «Эти, якобы, научные „обследования“, проводимые

¹ Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» // Правда. 1936. 5 июля. № 183.

среди большого количества учащихся и их родителей, направлялись, по преимуществу, против неуспевающих или неукладающихся в рамки школьного режима школьников и имели своей целью доказать, якобы, с „научной“ „биосоциальной“ точки зрения современной педологии наследственную и социальную обусловленность неуспеваемости ученика или отдельных дефектов его поведения, найти максимум отрицательных влияний и патологических извращений самого школьника, его семьи, родных, предков, общественной среды и тем самым найти повод для удаления школьников из нормального школьного коллектива. В этих же целях действовала обширная система обследований умственного развития и одаренности школьников... Ребенку 6-7 лет задавались стандартные казуистические вопросы, после чего» определялась степень его умственного развития.

Все эти мероприятия, несомненно, вели к постепенному установлению кастового общества, когда в первых поколениях дети в младшем школьном возрасте определялись бы в одну из нескольких социальных групп, а в последующих поколениях в условиях уже сформированных общественных страт «селекция» могла бы проходить гораздо проще в своеобразном автоматическом режиме. Но думается, что время от времени из «низших слоев общества» представители «элиты» рекрутировали бы какое-то число детей с целью сохранения интеллектуального потенциала своей касты.

На сегодняшний день пособники антинародных сил идут дальше, говоря о необходимости удаления ребенка из семьи посредством некоторых элементов ювенальной юстиции. В отечественных научных кругах имеются симпатизанты теории «естественного отмирания» традиционной семьи как таковой [2, 3]. И это уже куда преступнее. Педологи об этом и не мечтали.

В молодом СССР педология привела к фактическому формированию кастового общества. При этом к низшим кастам педологи относили множество детей, в частности, посредством пресловутого тестирования. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. прямо указывалось, что деятельность педологов приводила к причислению массы детей к разряду умственно отсталых, имеющих различные дефекты когнитивных способностей. В результате большое число детей по заключению педологов переводилось в спецшколы для детей с задержкой умственного развития, а также имеющих различные психические девиации. При этом количество таких специальных школ постоянно увеличивалось, что входило в прямое противоречие с указаниями ЦК ВКП(б) и СНК СССР, предполагавшими создание буквально нескольких школ для детей, отнесенных к соответствующей категории. Подобные прямые нарушения указаний партии и правительства приводили к тому, что множество детей, которые в условиях обычной школы без труда могли быть подвергнуты коррекции, в спецшколах приобретали отрицательные наклонности

и навыки и становились действительно практически не-исправимыми.

И это очень важная информация, которая дает нам возможность понять, что и тогда некие антинародные силы в обход решений руководства государства сознательно усугубляли ситуацию и фактически вели подрывную работу, возможно, полагаясь на какие-либо гарантии собственной безопасности со стороны иностранных кураторов. Здесь же мы готовы сформулировать тезис о том, что определенные силы внутри страны и сейчас стимулируют губительные для российского образования процессы.

Следующую параллель с сегодняшним днем можно усмотреть в теории отмирания школы, которая внедрялась педологами. В Постановлении ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. такая теория именуется как «осужденная партией», которую «...адепты в виде недоучившихся педологов» внедряли в масштабах всей страны. Читая эти строки Постановления, невозможно не вспомнить об эффективных менеджерах и их поистине титанических потугах перевести образование в дистанционную форму.

Подчеркнем, что, по нашему мнению, в рассматриваемом документе вскрывается сущность общества, которое пытались построить в Советском Союзе педологи. Более того, в документе описываются процессы, которые подлежат развертыванию в Российской Федерации. Авторы Постановления делают акцент на том, что «...теория и практика так называемой педологии базируется на ложно-научных, антимарксистских положениях. К таким положениям относится, прежде всего, главный „закон“ современной педологии — „закон“ фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и какой-то неизменной среды... ЦК ВКП(б) устанавливает, что такая теория могла появиться лишь в результате некритического перенесения в советскую педагогику взглядов и принципов антинаучной буржуазной педологии, ставящей своей задачей в целях сохранения господства эксплуататорских классов доказать особую одаренность и особые права на существование эксплуататорских классов и „высших рас“ и, с другой стороны, — физическую и духовную обреченность трудящихся классов и „низших рас“. Такое перенесение в советскую науку антинаучных принципов буржуазной педологии тем более вредно, что оно прикрывается „марксистской“ фразеологией».

Итак, по нашему мнению, многие современные «реформаторы» образования в России, прямо или косвенно ведомые своими иностранными кураторами, преследуют цель, которая была с предельной ясностью выражена еще 85 лет назад, — это делается «в целях сохранения господства эксплуататорских классов». Но сейчас это осуществляется уже под прикрытием «демократической» фразеологии. С одной стороны, эти цели достигаются путем псевдонаучного доказывания исключительности

представителей так называемой элиты, а с другой стороны — путем доказывания физической, умственной и нравственной несостоятельности трудящихся, составляющих основную массу населения.

Таким образом, как нам представляется, уже в ближайшей перспективе мы можем все чаще и чаще слышать о физической и духовной обреченности большей части детей России. И «доказать» такую несостоятельность будет совершенно несложно посредством применения цифровых технологий, через которые будут распространяться тестовые задания с уже заранее заложенным результатом, учебники, приводящие к интеллектуальной деградации. И самое вопиющее преступление в рассматриваемой области будет заключаться в действиях, в результате которых многие люди в стране будут верить в то, что их дети являются ущербными и неспособными в полной мере осуществлять свои права и свободы, в том числе по управлению государством.

И здесь нужно подчеркнуть, что идеологи построения кастового по своей сути общества в качестве основного инструмента используют информационные технологии, внедряемые в процесс образования. При этом, говоря о новом типе образования, делают акцент на обеспечении движения обучающегося исключительно в коридоре индивидуальных образовательных траекторий. По нашему мнению, результатом такого обучения как раз и станет выращивание «человека одной кнопки» [4], который необходим в качестве сырья для построения кастового общества. Такие инициативы противоречат целому ряду конституционных норм Российской Федерации.

Так, духу и букве Конституции России, провозглашающей нормой ч. 2 ст. 19 государственную гарантию равенства прав и свобод человека и гражданина, глубоко противоречат любые претензии на построение кастового общества. Курс на институциональную сегрегацию в сфере образования, который последовательно навязывается российскому обществу, содержит в себе прямое противоречие ч. 1 ст. 43 Конституции Российской Федерации, которая недвусмысленно гласит, что «каждый имеет право на образование». Цифровые же технологии способны поставить на пути реализации человеком этого права непреодолимые препятствия, которые невозможно установить в условиях традиционной образовательной системы России. Ведь возможно будет предоставить обучающимся лишь те знания, которые соответствуют индивидуальной образовательной траектории, сужая до минимума поле общей эрудиции обучающегося.

Более того, в условиях цифровой парадигмы развития общества, которая навязывается в России, невозможно говорить о реализации равных прав, свобод и обязанностей, что закреплено ч. 2 ст. 6 Конституции Российской Федерации, для лиц, получивших кардинально различное образование; не приходится даже мечтать о равенстве всех перед законом и судом, чего требует ч. 1 ст. 19 Конституции России, так как приоритет всегда будет иметь

человек с развитым интеллектом и широким кругозором, делающим любую манипуляцию невозможной; нет оснований надеяться на реализацию нормы, закрепленной ч. 2 ст. 19 Основного закона, гарантирующей равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств, под которыми совершенно логично понимать уровень и качество образования, — это только беглый анализ конституционных норм, на которые, по нашему мнению, покушаются лица, продвигающие сегодня свое видение «цифровизации» образования.

Обращаясь к парадигме цифрового образования в России в том виде, в котором она на данный момент навязывается, отметим, что дистанционное образование и выстраивание индивидуальной образовательной траектории планируется реализовывать посредством электронных учебников. Но сами по себе электронные учебники — это, пожалуй, одна из наиболее интенсивных угроз, которые рождаются в информационной сфере. Их опасность лежит как в когнитивно-мыслительной плоскости, что было глубоко исследовано такими специалистами, как, например, Стрельникова Л.Н. [5], так и в характере воздействия, которое оказывается на организм человека на аппаратном уровне. В частности, не исследованным до конца остается воздействие на человеческий организм высокочастотного излучения, исходящего от различных составных частей электронного учебника.

Мы также видим опасность использования электронного учебника в следующем. Все учебники, будучи подключенными к сети Интернет, могут оказаться в сфере деятельности субъектов глобального манипулирования, что позволит изменять содержание таких учебников в широчайших пределах в реальном времени. Такие изменения могут вноситься и латентно на протяжении длительного времени, что может привести к изменению мировоззрения целых народов в заданных манипулятором рамках. Или же можно одновременно удалять из учебников целых стран, например, упоминания о социализме или наоборот описывать несуществовавшие исторические события. Думается, что такой сценарий вполне осуществим в условиях тотальной зависимости России от иностранных аппаратных и программных средств.

К тому же российская нормативно-правовая база предусматривает, что электронный учебник будет подключен к Интернету. При этом прямо об этом не говорится. В соответствии с п. 3.1.26 «ГОСТ Р 57724-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Учебник электронный. Общие положения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 28.09.2017 № 1257-ст) электронный учебник — это «структурированный цифровой документ, в основном

состоящий из текста с возможностями контекстного поиска, который можно рассматривать как метафору печатной книги или брошюры. Примечание — ЭУ является отдельным видом электронной книги и состоит, как правило, из агрегации или композиции компонентов, собранных в один электронный документ»².

Но в том же документе в п. 4.2.3 отмечено, что электронный учебник «или его отдельные компоненты могут находиться в общей сетевой среде образовательного контента, использующей Интернет, например в форме системы управления обучением (Learning management system, LMS) или виртуальном образовательном пространстве (Virtual learning Environment, VLE). В этом случае контент контролируется и охраняется через авторизацию обучающей платформы, без использования средств цифрового управления правами (Digital Rights Management, DRM)». То есть, проще говоря, он может находиться в Интернете³.

Более того, перманентное подключение электронного учебника к Интернету рассматривается как само собой разумеющееся, на что указывает ч. 12 Приказа Минпросвещения России от 18 декабря 2019 г. № 695 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 04.02.2020 № 57418)⁴, где отмечается, что при проведении общественной экспертизы устанавливается соответствие учебника и его содержания определенным критериям, в частности такому критерию, как «функционирование электронной формы учебника на устройствах пользователей без подключения к информационно-телекоммуникационным сетям, в том числе информационно-телекоммуникационной сети „Интернет“ (за исключением внешних ссылок)».

Как видим, из данного отрывка документа недвусмысленно вытекает, что штатное функционирование электронного учебника предусматривает его постоянное подключение к сети Интернет. Возникает вопрос о том, какие мероприятия проводятся по недопущению изложенной нами выше опасности вмешательства в содержание электронного учебника, а также кто будет гарантировать населению России безопасность в данной области.

² ГОСТ Р 57724-2017. «Национальный стандарт Российской Федерации. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Учебник электронный. Общие положения» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Здесь же возникает вопрос о целесообразности наличия в данном документе иностранных терминов и аббревиатур.

⁴ Приказ Минпросвещения России от 18 декабря 2019 г. № 695 «Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, допущенных к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования» (зарегистрировано в Минюсте России 04.02.2020 № 57418) // СПС «КонсультантПлюс».

Одним из важнейших аспектов нашего исследования является тот, что поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 г., достаточно прочно защищают российское образование от окончательного разрушения, а кроме того, создают надежные предпосылки для его восстановления и достижения высочайшего национального уровня, необходимого для процветания народного хозяйства.

Так, ч. 1 ст. 67.1 устанавливает, что «Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории...». Соответственно, многие нормативно-правовые акты СССР являются легитимными и действующими на настоящее время. В том числе проанализированное нами Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г., нормы которого не должны оставаться вне поля зрения современных российских законодателя и правоприменителя.

Часть 2 ст. 67.1 особый акцент делает на важности переданных предками идеалов и веры в Бога. Это касается и российского образования, лучшие образцы которого сформировались еще в Российской Империи, где вера в Бога была общественно определяющей, и были переняты СССР, который не достиг бы без них своих головокружительных успехов практически во всех областях человеческой деятельности. Следовательно, указанная норма просто обязывает государство коренным образом развернуть образовательный вектор в сторону лучших образцов российско-советской педагогики. Отличительной же стороной отечественного образования всегда была направленность на воспитание всесторонне образованного человека, способного на построение разветвленных социальных связей. Кастовость как таковая считалась в советском обществе проявлением самых низших форм развития человеческого общества, и с ней велась непримиримая борьба.

Русское образование и педагогика немислимы без гармоничного развития личности, чего невозможно добиться без всеобъемлющего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития подрастающего поколения, что возводится нормой ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации в абсолютный приоритет.

Наука и образование в России развивались исключительно в контексте русского языка, без которого невозможно российское научное знание как таковое. В свете этого чрезвычайно важной является норма, закрепленная ч. 1 ст. 68 и устанавливающая, что «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации»⁵.

⁵ И эта норма является юридическим основанием для очистки российского образования от заповоленного все новояза и колоссального числа иноязычной терминологии, которой имеются гораздо более адекватные русскоязычные альтернативы.

Часть 4 ст. 68 устанавливает, что «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством». Но трансляция культуры от поколения к поколению невозможна без национального образования, в частности отечественных методик, а это основание для решительного отказа от многих зарубежных образовательно-воспитательных подходов, накопившихся в российской системе образования за последние десятилетия. В контексте нашего исследования данной норме корреспондирует п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72 Основного закона России, в соответствии с которым в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: защита семьи, института брака как союза мужчины и женщины. Как мы знаем, зарубежные государства, в частности западные, все далее отходят от традиционных семейных норм, что неминуемо отражается на системе образования, делая ее несостоятельной. Но именно такую искаженную сомнительными моральными ценностями систему образования некоторые силы насаждают повсеместно в России.

Приведенные нами выше конституционные нормы абсолютно перечеркивают большую часть образовательных и воспитательных стандартов зарубежных стран, делая их токсичными и констатируя их антинародную природу. Более того, одной же из важнейших для целей нашего исследования является норма, закрепленная ст. 79 Основного закона и устанавливающая существенные ограничения исполнения в России решений межгосударственных органов, что, исходя из совокупности вышеперечисленных норм, диктует необходимость пересмотра части международных договоров и обязательств России, в частности в сфере образования. Так, как минимум, ревизии должны быть подвергнуты нормы, обуславливающие участие России в Болонском процессе.

И конечно же, мы не можем не отметить норму, установленную п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой Российская Федерация обеспечивает безопасность личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных, что, безусловно, касается и сферы образования.

Нужно отметить, что указанные конституционные нормы носят стратегический характер. В стране должны быть развернуты общественная и научная дискуссии касательно соответствия нормативно-правовой базы и научной доктрины в сфере образования нормам Конституции Российской Федерации.

Отметим, что направления по выходу из сложившейся на сегодня ситуации также были предложены 85 лет назад. Так, Постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. советский законодатель полностью восстановил в правах педагогику и педагогов, при этом ликвидировав звено педологов, что в наших реалиях соответствует требованию избавления системы образования от руководства

«эффективными менеджерами» с обязательным исследованием их деятельности; отменил Постановление Наркомпроса РСФСР «Об организации педологической работы» и Постановление СНК РСФСР от 7 марта 1931 г. «Об организации педологической работы в республике», что соответствует скорейшей отмене целого массива нормативно-правовых актов, принятых в целях ослабления российского образования; обязал соответствующие органы критически проанализировать все теоретические разработки педологов с публикацией полученных в результате анализа материалов, что указывает на необходимость доведения до каждого пагубности множества инициатив, в том числе по внедрению цифровых технологий в сферу образования, исходящих от соответствующих реформаторов.

Перед подведением итогов исследования, отметим, что наш тезис о форсировании некими силами губительных для российского образования процессов, часто вопреки замыслу и воле законодателя, подтверждается анализом документов, касающихся реализации концепции цифровой экономики, в частности подготовки кадров для ее обслуживания с использованием индивидуальных образовательных траекторий. Остановимся на кратком анализе одного из них — Паспорта федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» (утв. президиумом Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 28.05.2019 № 9)⁶.

Наше внимание привлек раздел «Дополнительные и обосновывающие материалы федерального проекта „Кадры для цифровой экономики“» Паспорта федерального проекта «Кадры для цифровой экономики», а именно его п. 1.1 «Разработка модели компетенций цифровой экономики, профиля компетенций и персональной траектории развития». Оцените стиль автора (авторов). Он пишет: «Согласно оценкам, 65 % тех, кто сегодня учится в начальной школе, будут заниматься работой, которая сегодня еще не придумана». Возникают вопросы: согласно чьим оценкам, «не придумана кем», кто или что те субъекты, которые все это «придумывают»? Это документ федерального уровня. Ведь можно было написать так: «Согласно оценкам таким-то, столько-то процентов сегодняшних учащихся младших классов в недалекой (среднесрочной, долгосрочной) перспективе будут выполнять работу, характер и сущность которой в силу развития научно-технического прогресса являются трудно прогнозируемыми, а также будут заняты в несозданных на настоящее время отраслях народного хозяйства».

Далее автор пишет: «В рамках программы будет разработана модель компетенций цифровой

⁶ Документ опубликован не был. См. СПС «КонсультантПлюс».

экономики — перечень ключевых компетенций, необходимых каждому гражданину для эффективной профессиональной и повседневной деятельности в условиях цифровой экономики». Возникает вопрос: почему речь идет только о гражданах, а как же трудовые мигранты, которыми, на наш взгляд, целенаправленно замещаются государствообразующие народы во многих странах, в частности в России?

Затем в тексте мы встречаем следующий филологический оборот: «...основным шагом в работе с большим множеством существующих и новых моделей компетенций...». Думается, наши комментарии «большого множества» в данном случае излишни. В тексте рассматриваемого документа имеются и другие ошибки, в частности пропущенные слова. Может быть, для англоговорящего человека такое отношение к русскому языку является простительным, но как могут появляться правовые акты такого качества в России? Напомним, что рассматриваемый паспорт является Приложением № 4 к протоколу президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. № 9 и был утвержден данной комиссией.

В целом создается впечатление, что документ готовился в чрезвычайной спешке, словно он был подложен кем-то на подпись в последний момент и исподтишка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репринцев А.В. Рыночный тип личности как продукт «Модернизации» российского образования: трагедия и триумф национальной культуры // *Берегиня.777.Сова*. 2012. № 3 (14). С. 120–125.
2. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // *Социально-политический журнал*. 1995. № 6. С. 74–87.
3. Панкратова Л.С. Социологическое наследие С.И. Голода: концепция сексуальности // *Теория и практика общественного развития*. 2021. № 1 (155). С. 38–41.

REFERENCES

1. Reprincev AV. Rynochnyj tip lichnosti kak produkt «Modernizacii» rossijskogo obrazovaniya: tragediya i triumf nacional'noj kul'tury. *Bereginya.777.Sova*. 2012;3(14):120–125. (In Russ.)
2. Golod SI. Monogamnaya sem'ya: krizis ili evolyuciya? *Social'no-politicheskij zhurnal*. 1995;(6):74–87. (In Russ.)
3. Pankratova LS. Sociologicheskoe nasledie SI Goloda: koncepciya seksual'nosti. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 2021;1(155):38–41. (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Иван Анатольевич Тарасевич, кандидат юридических наук, доцент, клирик Русской православной церкви; e-mail: ioann@ruweb.net

Конечно, поднятые нами вопросы требуют организации работы целого научного института, соответственно, их невозможно подробно осветить в рамках одной статьи. Но даже такой уровень научной разработки позволяет нам сделать некоторые очевидные для нас выводы:

1. Некоторые составляющие «цифровизации» российского образования нужно рассматривать как спланированные и последовательно осуществляемые далеко не дружественными по отношению к России силами; данный процесс во многом преследует те же цели, которые должны были привести к деградации российского общества после Великой Октябрьской социалистической революции.

2. Дополнения к Конституции Российской Федерации 2020 г. в первую очередь необходимо рассматривать как направленные на купирование угроз самому существованию российской государственности в наиболее чувствительных областях жизнедеятельности общества, какими, на наш взгляд, являются образование и внедрение цифровых технологий.

Конституционная реформа 2020 г. укрепила конституционно-правовой заслон на пути сил, стремящихся к окончательному разрушению (например, посредством бездумного внедрения цифровых технологий) российского образования. Новые конституционные детерминанты обеспечения жизнеспособности России нуждаются в незамедлительном внедрении в законодательную и правоприменительную практики, в том числе посредством их повсеместного обсуждения в научном сообществе.

4. Евзрезов Д.В. «Образование 2030» — Вызов системе образования. 1. Форсайт образования — план создания «людей одной кнопки»? / Д.В. Евзрезов, Б.О. Майер // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. 2014. № 2 (18). С. 118–132.
5. Стрельникова Л.Н. Цифровое слабоумие // *Химия и жизнь*. 2014. № 12. С. 42–48.

4. Evzrezov DV. «Obrazovanie 2030» — Vyzov sisteme obrazovaniya. 1. Forsajt obrazovaniya — plan sozdaniya «lyudej odnoj knopki»? *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2014;2(18):118–132. (In Russ.)
5. Strel'nikova LN. Cifrovoe slaboumie. *Himiya i zhizn'*. 2014;(12):42–48. (In Russ.)

AUTHOR INFORMATION

Ivan A. Tarasevich, PhD in law, associate professor, clergyman; e-mail: ioann@ruweb.net